

Можно поспорить с утверждением, что на гостях-иностранцах советские власти как бы обрабатывали «технологии приручения» собственной элиты — тут, скорее, была обратная последовательность. Всё-таки с проблемой «приручения» собственной элиты власти столкнулись раньше и уже накопили определённый опыт, который пытались применить и к иностранным гостям. Отмечу также одну частную, но существенную неточность. Дэвид-Фокс относит начало так называемых массовых операций к лету 1937 г. (с. 498), но на самом деле они начались на год раньше.

Впрочем, подобные частные недостатки перекрываются многочисленными достоинствами книги. Так, автор справедливо замечает, что «коммунизм являлся весьма гибким мифом, а культурная дипломатия при этом ловко манипулировала его многообразием, тем самым не требуя от сочувствующих западных интеллектуалов единогласной поддержки какой-либо одной черты; в то же время каждый из них связывал с советской системой свою собственную заветную надежду на лучший миропорядок» (с. 349). Его заслугой является также введение и широкое использование термина «культура антифашизма» вместо уже привычного «движения антифашизма», что расширяет рамки самого явления.

Пожалуй, наиболее важной и интересной частью книги является подробное описание встреч и бесед И.В. Сталина с наиболее выдающимися гостями, их преимущественно позитивной реакции на эти встречи, причём не только спонтанные, но и отнесённые достаточно далеко во времени. Пожалуй, единственным значимым исключением оказался А. Жид, но он-то как раз со Сталиным и не встречался. Конечно, посещениям Г. Уэллса, Б. Шоу, Л. Фейхтвангера, Р. Роллана посвящено несколько документальных публикаций, много статей, эта тема затрагивается (иногда подробно) в ряде монографий. Но и тут М. Дэвид-Фокс сумел найти свои подходы и нюансы. А наиболее развёрнуто и интересно описан приезд Т. Драйзера. Историк, опираясь на материалы самого писателя и лиц, окружавших его в течение поездки, подробно анализирует, как и почему менялся взгляд Драйзера на Советскую Россию и чем объяснялись неожиданно позитивные оценки, которые отсутствовали во время его пребывания в СССР, но неоднократно высказывались после возвращения в США.

А закончить хотелось бы вот чем. Автор приводит слова знаменитого американского дипломата Дж. Кеннана о советской политике — «голодать ради славы» («starve itself great»). Я бы перевёл это выражение, может быть, не столь удачно с точки зрения стилистики, но точнее по смыслу: «Доголодать до величия». Неплохая эпитафия той эпохе...

Владимир Невезжин: Утомлённый ВОКСом

Vladimir Nevezhin (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): Wearing by VOKS

Участники дискуссии уже отметили, что монография известного американского историка М. Дэвида-Фокса основательно фундирована: она стоит даже не на трёх, а на четырёх «китах» — РГАСПИ, ГА РФ, РГАЛИ, АВП РФ. Всего автор привлёк документальные материалы 19 фондов этих крупнейших российских архивохранилищ, многочисленные опубликованные источники (воспоминания, дневники, официальную, личную переписку и др.). Не обошёл он вниманием и исследования своих предшественников, изучавших сюжеты, сходные с его проблематикой, а в русскоязычном издании использовал некоторые публикации

источников и работы историков, вышедшие в свет после 2011 г. (когда появилась англоязычная версия его книги). Назовём также довольно близкие по проблематике диссертации и монографии российских учёных последних лет¹⁸.

Автор анализирует функционирование таких общественных организаций, как Всесоюзное общество культурной связи с заграницей, Иностранная комиссия Союза советских писателей СССР, Комиссия по внешним сношениям ВЦСПС. Но самое пристальное внимание он уделяет повседневной деятельности руководства ВОКС. И это не случайно: ведь он считает именно эту организацию «ключевым учреждением советской культурной дипломатии» (с. 25). На первый план выведены фигуры О.Д. Каменевой и А.Я. Аросева, первого (1925–1929) и третьего (1934–1937) председателей Общества. Я хотел бы подробнее остановиться на некоторых важных аспектах личности и судьбы Аросева, которые, как мне кажется, помогают глубже понять и специфику положения ВОКС в системе власти 1930-х гг.

Биографические материалы об Аросеве обнаружены историком в личном фонде Сталина (РГАСПИ) и фонде ВОКС (ГА РФ). Дэвид-Фокс также цитирует чудом сохранившиеся и опубликованные в мемуарах его дочери — известной актрисы О.А. Аросевой — дневниковые записи отца. Красной нитью через монографию проходит мысль о том, что третий председатель внёс весомый вклад в дело превращения ВОКС в своеобразный форпост, оказавшийся волею обстоятельств «на пересечении пропаганды, влияния и культурных отношений». В результате эта организация шла, по словам историка, «в авангарде согласованного и зачастую искусного использования новым (советским. — *В.Н.*) режимом системы патронажа на службе культурной дипломатии» (с. 175). В то же время в книге проводится и другая идея: Аросев пережил в 1920–1930-е гг. «ряд внутренних конфликтов между своими честолюбивыми политическими и дипломатическими замыслами и собственной же идентичностью человека культуры». На сей счёт, развивая свою мысль американский исследователь, в его дневнике содержатся записи, зафиксировавшие сомнения «по поводу того, не административная ли работа привела к неудаче в его писательской карьере» (с. 146).

Однако из исследования самого Дэвида-Фокса вытекает, что для возникновения и развития в сознании Аросева подобных сомнений находились и более серьёзные основания, чем несостоявшаяся писательская карьера. Его постоянно угнетали коренные недостатки в деятельности ВОКС, которые, по мнению автора монографии, сводились к следующему: «проволочки, путаница, отвратительные переводы, нехватка квалифицированных кадров и непонимание культурных особенностей других стран и народов» (с. 175). Определённое воздействие имел и другой немаловажный фактор: Аросев, как подчёркивает Дэвид-Фокс, «относился с презрением к многочисленным не повидавшим мира и необразованным аппаратчикам», которых большевистское руководство стало особенно активно выдвигать с конца 1920-х гг. (с. 145). В монографии цитируются некоторые дневниковые записи Аросева в подтверждение данного тезиса (с. 374)

Как представляется, можно было бы дополнить их перечень, добавив новые штрихи к встроеному в общую канву повествования Дэвида-Фокса рассказу о судьбе председателя ВОКС Аросева. Вот, например, как он характеризовал, в

¹⁸ *Третьяченко Е.А.* Образ Советской России в творчестве американских писателей и публицистов в историко-культурном контексте 1917–1991 гг. Дис. ... канд. культурологии. Шуя, 2010; *Куликова Г.Б.* Новый мир глазами старого. Советская Россия 1920–1930-х годов глазами западных интеллектуалов: очерки документированной истории. М., 2013; *Голубев А.В., Невежин В.А.* Указ. соч.

дневнике своих заместителей: «Евнух Аппетин¹⁹ семенил ногами и исторгал слова, словно кожурки от семечек выплёвывал. Он ненавидит меня, мою жену, всё моё. Он – учитель чистописания. Трагедия его в том, что теперь отменены мундиры и панихиды»²⁰; «Хитрецы какие пошли теперь. Долго верил Кулябко²¹ (мой зам), но он решил сделать карьеру на моей шее. Ему досадно, если что-либо удастся помимо него»²². 23 сентября 1934 г. Аросев записал в дневнике: «Даже дети не будут знать, что я преждевременно умер от непосильной ноши семейной жизни и труда, часть коего мне не нужна (например, работа в ВОКСе). Лучше бы просто писать. Вообще живу не так, как мне нравится. А это страшно»²³. 19 декабря 1934 г., находясь в служебной командировке в Париже, Аросев развивал свои «кромольные» мысли: «Почему я – ВОКС? Почему я должен заботиться, чтобы в Париже получали книги, скажем, по химии от нас, а мы – от них? Почему я должен устраивать обмен театрами? Почему я должен выслушивать каких-то посредников, убогих переводчиков, учительшек... почему я практически очень мало могу сделать истинным и большим нашим друзьям, таким как проф. Ланжевейн, как Андре Жид, Виктор Мэргерит?»²⁴.

Несомненный интерес представляет характеристика, данная Аросеву французским писателем Р. Ролланом по завершении его поездки в СССР летом 1935 г. Роллан, о посещении которым Советского Союза неоднократно упоминал Дэвид-Фокс, в частности, писал: «Аросев... неплохой человек, но ограниченный и холерик. Вепрь. Почти все, с кем я о нём говорил в Москве, отзывались презрительно: “Дурак”. Он не дурак. Но его непоправимо бестактные поступки, которые он совершает из-за своего уязвленного самолюбия, превращаются в опасные промахи». Роллан выражал опасение, что из-за своей назойливости Аросев, уже лишённый ранее должности посла, может потерять «и пост председателя ВОКСа»²⁵.

Однако, как показано в книге Дэвида-Фокса, отнюдь не уязвленное самолюбие и не нарочитая назойливость в отношении представителей западной интеллигенции, посещавших Москву, стали причинами падения и трагической гибели Аросева. Автор привёл факты, свидетельствующие о том, что руководитель ВОКС стремился адаптироваться в условиях развёртывавшейся кампании всеобщей подозрительности, направленной против тех, кто имел по роду деятельности непосредственные контакты с иностранцами. Именно он, как следует из монографии, обвинял в июле 1935 г. собственных подчинённых в нарушении основных принципов «бдительности», издав специальную инструкцию относительно разговоров с иностранцами в их присутствии (с. 495). Понятно, что подобные инструкции Аросев вводил в повседневную практику отнюдь не по собственной инициативе. В книге приводится цитата из его письма (май 1936 г.) на имя Н.И. Ежова: «Именно от Вас исходил ряд указаний мне, связанных с усилением бдительности, для предупреждения попыток использования ВОКСа враждебными элементами» (с. 493).

Уместно напомнить, что именно в бытность Аросева председателем Общества практиковались и подробные доклады (пересылавшиеся затем в «компетентные органы» под грифами «секретно» и «не подлежит оглашению») советских

¹⁹ Аппетин Михаил Яковлевич (1885–1981), генеральный секретарь, заместитель председателя ВОКС.

²⁰ Цит. по: *Аросева О.А.* Прожившая дважды. М., 2013. С. 92.

²¹ Кулябко Николай Николаевич, заместитель председателя ВОКС.

²² Цит. по: *Аросева О.А.* Указ. соч. С. 134.

²³ Там же. С. 94.

²⁴ Там же. С. 120.

²⁵ *Роллан Р.* Московский дневник Ромена Роллана // Вопросы литературы. 1989. № 3. С. 216.

переводчиков, прикрепленных к иностранцам, прибывавшим в СССР. В них фиксировалась информация о том, что вызывало недовольство почётных гостей, указывались источники, из которых она черпалась. Вместе с тем «прикрепленные» вели «разъяснительную работу» со своими «подопечными», всячески старались контролировать все их посещения и личные контакты²⁶. В книге Дэвид-Фокс использовал тексты таких отчётов, в частности Д.Л. Каравкиной, сопровождавшей Л. Фейхтвангера в ходе его визита в Советский Союз в 1936–1937 гг. (с. 454–457, 459–461). Следует добавить, что уже введены в оборот подобного рода материалы, написанные и другими гидами-переводчиками ВОКС²⁷. В конечном счёте Аросев и сам оказался жертвой принудительной кампании «усиления бдительности», поголовно отхватившей ВОКС. Об этом свидетельствует, например, его дневниковая запись от 5 сентября 1936 г.: «На службе много работы и много игры. Теперь ко мне приходят все, и каждый друг на друга доносит»²⁸.

Несмотря на свои многочисленные письменные обращения, Аросев не смог убедить «Сталина и других партийных руководителей сделать ВОКС монополистом в сфере культурной дипломатии» (с. 486). Более того, он по существу был изолирован от важного дела приёма в Москве одного из видных «друзей СССР» Фейхтвангера. 6 января 1937 г., буквально накануне беседы Фейхтвангера и Сталина, состоявшейся в Кремле, Аросев записал в дневнике: «Доверия мало. На мою работу в ВОКСе внимания обращают мало»²⁹. Затем последовали изнурительные «проработки» председателя Всесоюзного общества культурной связи с заграницей по производственной и по партийной линии, которые буквально обессиливали его³⁰. В монографии приведено свидетельство одной из сотрудниц ВОКС, которая на всю жизнь запомнила выражение «боли и тревоги» на лице Аросева, когда он вернулся с общего собрания, где против него были выдвинуты обвинения «в агрессивной манере» и «в ксенофобском ключе» (с. 498–499). О реакции Аросева на эти нападки и обвинения в политической неблагонадёжности можно судить и по его дневниковой записи от 2 апреля 1937 г.: «Утром в ВОКСе комиссия из района. Люди непонимающие, несамостоятельные, по-видимому, получили задание во что бы то ни стало скомпрометировать меня»³¹. 3 июля 1937 г. Аросев был арестован. Военной коллегией Верховного Суда СССР по обвинению в участии в контрреволюционном заговоре приговорён к высшей мере наказания. Расстрелян 10 февраля 1938 г.

В целом рассказ о том, как к концу 1930-х гг. ВОКС практически прекратило «деятельность по приглашению и приёму иностранцев» и было вынуждено сосредоточиться «только на мероприятиях за границей» (с. 504), занимает важное место в фундаментальном исследовании Дэвид-Фокса. Этот сюжет тесно связан с описанием биографии руководителя ВОКС Аросева, который, согласно характеристике американского историка, «всегда оставался приниженной фигурой в политической и культурной жизни, хотя и имел большие амбиции» (с. 29). Оба сюжета позволяют не только представить непростую ситуацию, сложившуюся

²⁶ Куликова Г.Б. Указ. соч. С. 145.

²⁷ «Основная цель его приезда...». Отчёты сотрудников ВОКСа о пребывании в СССР деятелей науки и культуры Великобритании. 1934–1936 гг. / Публ. А.В. Голубева // Исторический архив. 1996. № 3. 134–150; Аверьянова Л.И. Vox Humana. Собрание стихотворений. М., 2011.

²⁸ Аросева О.А. Указ. соч. С. 278.

²⁹ Там же. С. 278.

³⁰ Там же. С. 311–312, 323–324, 326, 331.

³¹ Там же. С. 331.

в ВОКС к концу 1930-х гг., но и понять причины свёртывания культурных связей СССР с зарубежными странами накануне Второй мировой войны.

Василий Чернонёров, Сергей Усманов: Бумеранг «культпоказов»?
Vasilii Chernoperov, Sergey Usmanov (both – Ivanovo State University, Russia):
The Boomerang of showcasing?

Первые десятилетия существования советского эксперимента остаются эпохой, всё ещё недостаточно исследованной и осмысленной в исторической науке. В ней немало «белых пятен», сомнительных концепций, противоречивых гипотез, а то и очевидных политизированных мифологем, затрудняющих восприятие исторических реалий, столь болезненных для нашего общественного сознания. В этой связи появление русского перевода книги М. Дэвида-Фокса о советской культурной дипломатии 1920–1930-х гг. весьма интересно и своевременен, тем более что американский историк является автором многих научных работ по истории советской эпохи³² и хорошо известен в России.

Обсуждаемая книга – весьма насыщенное значительным фактическим материалом объёмное исследование. Автор использовал большой массив источников, в том числе архивные материалы Всесоюзного общества культурной связи с заграницей, ВЦСПС, Агитпропа Коминтерна, Интуриста и Иностранной комиссии Союза писателей СССР. При этом его исследование имеет подчёркнуто концептуальную направленность, особенно заострённую в авторском предисловии к русскому изданию: «В течение многих лет, когда я подолгу работал в России, мне часто приходилось слышать, что по-настоящему понять советскую систему может только тот, кто в ней жил, и что посторонним, т.е. иностранным исследователям, таким как я, трудно до конца постичь Россию. Я придерживаюсь другого мнения. Конечно, знание о явлении или событии изнутри – ключевое, но и взгляд со стороны не менее значим: он может обнаружить в привычном явлении нечто новое» (с. 10).

Автор выделяет два основных направления своего исследования. В рамках первого «рассматривается происхождение и развитие особой системы приёма иностранцев и способ влияния на них и на западное общественное мнение» (с. 11). Но не менее значимо и второе. «В моей книге, – пишет Дэвид-Фокс, – содержится и более общее... утверждение о советской системе. Я доказываю, что хотя ВОКС и родственные ведомства, связанные с международной культурной политикой и пропагандой, были не более чем политической силой среднего уровня, но совокупные усилия советского государства повлиять на взгляд иностранцев, особенно с Запада, были настолько значительными, что оказали глубокое воздействие на развитие советской системы в целом в первые десятилетия её существования... В книге утверждается, что попытки советского государства повлиять на общественное мнение за рубежом и создать островки советской реальности, предназначенные для глаз иностранцев, вызвали эффект “бумеранга”» (с. 12).

По мере знакомства с книгой нетрудно убедиться, что именно первое направление его изысканий – «культпоказ» иностранцам советских достижений – является в ней основным, тогда как второе – обратное влияние этого «культпоказа» на советскую систему – представлено в труде намного слабее и менее убедительно.

³² *David-Fox M. Crossing Borders...; David-Fox M. Revolution of the Mind: Higher Learning Among the Bolsheviks, 1918–1929. Ithaca; N.Y., 1997; и др.*